

© 1998 г., ЭО, № 1

В.И. Бушков

К ПРОБЛЕМЕ ТОПОНИМИИ АВЕСТИЙСКИХ ГИМНОВ*

Исследования С.П. Толстова и материалы широкомасштабных археолого-этнографических работ в Приаралье (начало которым положил он сам) сделали возможным качественный рывок в накоплении знаний, в том числе и в области древнейшей истории населения края, в определении его роли в истории индоевропейцев.

В своих исследованиях С.П. Толстов не только использовал сведения, полученные в результате полевых археолого-этнографических изысканий, но и широко привлекал для интерпретации материала свидетельства древнейших письменных источников, в том числе зороастрийского канона Авесты.

Представляется, что предлагаемый читателю очерк является в определенной мере продолжением этноисторических построений этого крупного ученого, потому что проблема древнейших переселений индоевропейцев, тесно связанная с проблемой индоевропейской и индоиранской прародин, до сих пор не потеряла своей научной значимости. Остаются дискуссионными вопросы путей и времени, а также состава населения различных этапов передвижения в места исторического расселения разных групп индоевропейцев¹.

Думается, что в решении некоторых сторон этой проблемы, прежде всего аспектов, касающихся передвижений и расселения восточных групп индоевропейцев, могут быть полезны древние письменные памятники, в том числе и сведения из Авесты.

Необходимо сразу оговориться, что, несмотря на многократные попытки анализа и интерпретации авестийских текстов, до сих пор остаются предметом постоянных дискуссий время и место сложения различных частей Авесты, а также фиксация в этих текстах тех или иных топонимов и их локализация.

Не ставя себе задачей рассмотрение всей Авесты, общий анализ топонимических реалий которой до сих пор привлекает внимание специалистов², ограничимся сведениями, содержащимися в Яштах (гимнах авестийским божествам³), причем сделаем это, максимально абстрагируясь от выдвигавшихся ранее концепций.

Топонимы (в том числе гидронимы, оронимы и другие их виды) упоминаются в общепринятой последовательности в следующих гимнах: «Ардвисур-яште» («Абан-яште»), «Тиштр-яште», «Михр-яште» и «Замйад-яште».

В первом гимне, посвященном богине вод и плодородия Ардви, дошедшем до нас в форме, сложившейся, по мнению специалистов, в VI–IV вв. до н.э. в едином смысловом контексте упоминаются: море Ворукаша, гора Хукарья и р. Ардви. Река вытекала из горы Хукарья и «тысячью протоков» впадала в море Ворукаша (стихи 3, 4, 96, 121 и др.). Хотя по поводу моря Ворукаша еще с прошлого столетия высказывались самые различные точки зрения, от отождествления его с Каспийским морем до озера «у подножия священной горы Хукарья, считавшейся обителью божеств»⁴; нет, видимо, никакого сомнения, что это Аральское море, а река Ардви, впадающая в него, – Амударья. В отношении последней у исследователей нет практически никаких разногласий, а все дискуссии основываются, кажется, на факте изменения нижнего

* Статья подготовлена при содействии РГАФ: грант 97-01-10306.

течения Амударьи, периодически впадавшей то в Каспийское, то в Аральское море, а то и в оба сразу⁵.

Исключительное воздействие на изменчивость гидрографии Средней Азии хозяйственной деятельности человека подчеркивают специалисты-гидрологи⁶, климатологи и представители других научных дисциплин. Они в своем большинстве поддерживают тезис об «усыхании» Средней Азии в исторический период⁷, что привело к существенным различиям в гидрографической картине времен Авесты и современности.

То, что речь идет именно об Амударье, дополнительно, хотя и косвенно, подтверждается и фактом существования на правобережье Амударьи селения Варахша (на пути из Бухары в Хорезм), которое по традиции считалось значительно старше Бухары и в древности принадлежало бухар-худатам⁸. Поэтому в «горе Хукарья», откуда, согласно Авесте, вытекала р. Ардвиг, следует видеть не какую-то отдельную горную вершину, а целую горную систему. Наиболее вероятен здесь Западный Памир с его высотами от 6 до 7 тыс. м, а не вершины Ваханского хребта с максимальной высотой 5794 м, с двух сторон обтекаемого истоками Пянджа – реками Памир и Вахандарья.

В упомянутой в стихах 63 и 81 р. Ранха, сопоставлявшейся прежде (а иногда и теперь) с Волгой⁹, большинство современных специалистов видят вторую крупнейшую реку Средней Азии – Сырдарью. Здесь можно дополнительно отметить, что этот топоним сохранился до наших дней в широком регионе, прилегающем к истокам Сырдарьи: например, оз. Ранкуль на Восточном Памире и р. Ранг-чу в Восточном Туркестане. Это косвенно подтверждается также упоминанием в едином контексте оз. Чайчага и прохода Хшатросука в Канхе (стихи 49, 54, 57). Уже высказывались суждения о том, что название этого озера могло лечь в основу средневекового наименования Ташкентского оазиса – Чач¹⁰. Следовательно, все упомянутые географические реалии увязываются вместе, поскольку древний Кангюй, с которым сопоставляется Канха, или по крайней мере одно из его владений, по мнению большинства исследователей, располагался именно на территории Ташкентского оазиса, а его столица Канка возникла на берегу Ахангарана при впадении последнего в Сырдарью¹¹.

В этом случае проход Хшатросука можно отождествить с устьем, образованной с запада руслом Сырдарьи, а с востока – хребтом Каратау, а оз. Чайчага – с оз. Чушка-куль несколько севернее развалин Отрара (сейчас на этом месте Бугуньское водохранилище).

Особо следует подчеркнуть, что именно в этом разделе гимна речь идет как об иранцах, так и о туранцах, одинаково молящихся за победу, причем только Анахита неизменно поддерживала первых. Такая ситуация могла сложиться лишь в том случае, если районы среднего течения Сырдарьи к моменту сложения гимна были ареной, где разыгрывались схватки между туранцами, наступавшими с севера (и северо-запада?), и иранцами, оттесняемыми в общем направлении (с некоторыми вариациями) на юг и юго-запад. При этом в тылу у последних находилась Ардвиг-Сура Анахита, на покровительство и поддержку которой они рассчитывали.

Остальные реалии, упоминаемые гимном, пока не могут быть даже предположительно локализованы. Некоторые соображения можно высказать лишь в отношении оз. Пишина (стих 37), потому что такое же название имеют две исторические области в Белуджистане. Одна область с одноименным центром находится в Восточном Иране, другая – в Пакистане на пути Кветта – Кандагар. Как будет показано ниже, эти наименования могут свидетельствовать об этнонимической основе топонима, оставленного в процессе передвижения индоиранских племен через Среднюю Азию на юг. Предположительно, с этим топонимом можно сопоставить и название старинного таджикского селения Пушинг (Дангаринский район), не переводимое с таджикского языка¹².

Если эти сопоставления верны, то вырисовываются пути продвижения на юг арийского племени *пишина* по кратчайшему освоенному пути из районов Нижней и Средней Сырдарьи через перевалы Центрального Таджикистана на афганский Кундуз

и далее на юг, причём, возможно, было два пути: западный (через Ташкент – Самарканд – Герат – оз. Хамун – Пишин (пров. Макрам) и восточный (через Ташкент – Душанбе – Кабул – Пишин).

В целом же, хотя составители рассматриваемого гимна и знают верховья Амударьи, складывается впечатление, что речь в нем идет преимущественно о территориях к юго-востоку от Аральского моря до большой излучины Сырдарьи.

Следующий гимн – «Тиштр-яшт» (гимн Тиштрии – звезде Сириусу) даёт нам немного топонимов, в основном не поддающихся локализации. Можно лишь отметить упоминание того же моря Ворукаша и горы Усхинда, «стоящей посредине на море Ворукаша»¹³, из-за которой встает Сириус. Возможно, эту строфу следует понимать не буквально, а в том плане, что гора Усхинда расположена так, что между ней и наблюдателем находится или Аральское море, что маловероятно, или его часть, что возможно, если учесть изрезанность береговой линии Арала. В то же время на идентификацию с горой Усхинда могла бы претендовать одна из высот в акватории гипотетического озера, реконструируемого Б.И. Вайнберг¹⁴ (особенно, если найдет подтверждение гипотеза, в соответствии с которой в индоиранский период все эти водоёмы и реки рассматривались местным населением как единая система).

Обратимся к «Михр-яшту» (гимн Митре, первоначально, как предполагается, бывшему богу договора), древнейшие части которого восходят к середине I тыс. до н.э. или даже к более раннему периоду¹⁵. Этот гимн донес до нас названия нескольких хорошо известных областей. Однако две из них так и остались не локализованы. Приведем соответствующий отрывок:

«... Широкие потоки
Стремят свое теченье
И к Ишкате парутской,
И к Мерву, что в Харайве,
И к Гаве, в Согдиане,
Или тскут в Хорезм»¹⁶.

Остановимся подробно на локализации Ишкаты парутской, в отношении которой специалисты до сих пор не пришли к сколько-нибудь единому мнению. Это косвенно было отмечено переводчиком гимнов И.М. Стеблин-Каменским, отказавшимся от какой-либо ее локализации и отметившим лишь, что это горная страна, населенная парутами (партами)¹⁷. И.М. Дьяконов, основываясь на сообщении Птолемея, поместил парутов в верховьях Герируда, назвав Ишкату горой, лежащей в начале хребта Упарисайна (Паропамис)¹⁸. На наш взгляд, более продуктивна точка зрения Р. Фрая, который считал, что можно «... предположительно отождествить Саттагидию, или по крайней мере, часть ее с Ишката (Iškata)... В этой области обитал народ паруты (Paruta), о котором сообщает и Геродот»¹⁹. В современных географических реалиях, как считал Р. Фрай, Саттагидия – это область, включавшая долины Горбанда и Кабула. Эта, по нашему мнению, убедительная конструкция, показывающая размещение парутов к V в. до н.э., как мы попытаемся показать ниже, не имеет прямого отношения к сообщению гимна.

Обратим внимание в связи с этим на горную страну, лежащую в верховьях р. Зеравшан; в раннем средневековье она называлась Бутгамом/Бутгаманом (словом, относящимся, по заключению лингвистов, к досогдийскому слою). К началу XX в. она состояла из нескольких исторических районов, называвшихся (сверху вниз по течению реки) Матча, Фальгар, Ягноб, Фан, Кштут, Магиан, Пенджикент и Афтобруя. Несмотря на то что временами части этой горной страны в политическом отношении подчинялись более мощным соседям, большую часть своей истории она была относительно независима. А. Бируни считал даже, что Уструшана, т.е. государственное образование к северу от Туркестанского хребта, – это область в стране Бутгам²⁰. Через центр этой страны, раскинувшейся в широтном направлении, через перевалы Шахристанский (на Туркестанском хребте) и Анзобский (на Гиссарском хребте)

проходит один из древнейших и самый кратчайший путь, связывающий области Ташкента и Ферганы с югом Таджикистана и Афганистаном. А на берегу Зеравшана, у подъема на Шахристанский перевал, лежит небольшое селение Хшикат, название которого еще в раннем средневековье звучало как Ишката²¹.

Это название этимологизируется как «Белый город» и имеет общее происхождение с наименованием ферганского селения Ишката, известного в средние века и в новое время как Ахси (Ахсикет). У Ишката сливаются реки Матча и Фандарья, образуя Зеравшан. Напомним, что еще арабские географы считали истоком Зеравшана именно Фандарью, а не Матчу²², что дополнительно придает внутреннюю логику строке гимна. Из стиха 3 «Замйад-яшта» мы знаем, что такое же название имела и гора, у подножия которой располагается селение, что дает дополнительные основания для локализаций. Выскажем такое соображение, что определение Ишкаты как парутская имеет дополнительную смысловую нагрузку – отличает указанный населенный пункт от Ишкаты ферганской.

В топонимике этой страны сохранилось значительное количество названий, в основе которых лежит слово *парут* (партан)²³. Среди них отметим прежде всего название одного из левых притоков р. Матчи – Порут, название раннесредневекового владения (позднее местности) Партан и селения Бартанг. И владение, и селение (уже не существовавшие к моменту включения края в состав России) помещаются исследователями в бассейн Верхнего Магиана²⁴. Перевал, ведущий из бассейна Магиана в бассейн Кашкадарьи, до сих пор здесь называют Пордон. В связи с этими топонимами отметим также селение Паркент к востоку от Ташкента (в раннесредневековой форме 'pw'tk'n), исторический район Бартанг на Памире²⁵ (истоки р. Ардвиг-Сура у г. Хукарья), а также племенной этноним *бхараты* – название одного из древнейших арийских племен Северо-Западной Индии. Во всех этих топонимах и этнонимах мы предлагаем видеть древних парутов (партов), двигавшихся на юг вдоль Сырдарьи и достигших к V в. до н.э. долины Кабула вблизи территории своего окончательного размещения.

Здесь возникают и иные сопоставления. Дело в том, что в Ригведе бхараты упоминаются в едином контексте с племенами *куру*, *матсья*, *панчала*, *каши* и некоторыми другими. Известно также, что индийские панчалы, матсья и куру были связаны между собой особыми отношениями, в том числе и заключением межплеменных браков²⁶.

В связи с этим укажем, что этноним куру сохранился в названии северотаджикского селения Куркат (Курушкат, что можно этимологизировать как «селение куру»²⁷, расположенного на пути из Ташкента к Зеравшанскому перевалу.

Этноним матсья мы предлагаем видеть в названии местности и реки, а также в самоназвании жителей этой территории – Матча (в местном произношении Мастча). До сих пор матчинцы сохраняют существенную этнокультурную обособленность от остальных таджиков, в том числе и в этническом самосознании, а также отличаются от них в антропологическом отношении.

Этноним панчалы отложился в названии столицы этого горного края – г. Пенджикента. Собственно, было два Пенджикента: один – в бассейне Верхнего Зеравшана к югу от Туркестанского хребта, другой – к северу от него (нынешний Шахристан). Именно этнонимическая основа позволяет логично объяснить факт одинакового названия двух столиц в непосредственной близости друг от друга, вызванного исторической памятью о единой племенной территории панчалов (этимологизировать их традиционно как «пятиградье» совершенно лишено смысла).

Этноним каши звучит в названии одноименного селения в долине р. Ягноб, причем совершенно поразительным кажется тот факт, что еще в XIX в. ягнобцы считали себя выходцами из индийского Кашмира²⁸. Кроме того, в селениях Верхнего Зеравшана бытует легенда о том, что «.. некогда жили два брата цари Кашел и Машел Гальча; по преданию, братьям принадлежали долины горного Зеравшана и Ягноба, а также несколько кишлаков в Ура-Тюбинской волости...»²⁹. Как представляется, перед нами

не мифологема типа Гог и Магог, а реальное, хотя и сильно трансформированное, историческое воспоминание о единой племенной территории близкородственных групп арийского населения.

Таким образом, единство этих племен в Северо-Западной Индии прослеживается на более ранних этапах этнической истории, на их пути к новой родине.

Возникает вопрос об иерархическом соотношении племен. Поскольку греческие источники I тыс. до н.э. знают парутов, но не знают остальных племен, можно осторожно предположить, что это название было наименованием не только (не столько) племени, но и межплеменного союза. Не исключено, что и сам союз под общим именем сформировался лишь в связи с размещением населения на общей территории по обе стороны Туркестанского хребта.

В отношении второго не локализованного топонима «гимна Митре» – Гавы согдийской – мы не можем сказать ничего определенного, так как в современной топонимии местностей, с наибольшей вероятностью претендующих на размещение этого населенного пункта³⁰, такого или подобного ему топонима не сохранилось. Однако можно предположить, что определение «согдийская» выполняет здесь ту же роль, что и определение «парутская» применительно к Ишкату. Другими словами, этим определением Гава согдийская отделяется от Гавы ферганской, существующей и в наши дни. Отметим также, что в Ферганской долине современные Гава и Аксикет расположены вблизи друг друга на правобережье Сырдарьи у горного прохода, открывающего доступ в долину с севера.

В целом в гимне описывается территория от бассейна Зеравшана на севере, до бассейна Мургаба на юго-западе. Хорезм для этого описания – далекая периферия.

Наконец, Яшт-19, или «Замйад-яшт» (т.е. гимн, посвященный божеству земли), по реальному содержанию называемый обычно гимном Хварно (харизма, или божественная сущность), дает нам широкую номенклатуру географических наименований, преимущественно гор и рек.

Основные названия гор перечисляются в стихах 1–6 и, по всей видимости, это перечисление подчиняется определенной логике. Складывается впечатление, что в стихах 1, 2 дано некое общее описание гор (горных массивов) в направлении с севера на юг, о чем свидетельствует то, что в стихе первом называется гора Хара (первая по порядку), упомянутая в стихе 21 гимна Ардвиг-Суре в контексте географических реалий средних течений Сырдарьи и Амударьи. Поэтому мы можем попытаться поискать в том же районе и другую названную гору – Мануша («Человечья»). И действительно, продвигаясь на юг и обозревая окружающие вершины, мы легко находим искомую гору Манас в верховьях Пскема. Превращение Мануши в Манас (имя героя киргизского эпоса) логически обусловлено и подчиняется общим законам трансформации топонимов под влиянием языков новых групп населения, объяснявшего старые, часто непонятные названия по созвучию, смысловому соответствию или же калькируя их на своем языке. (В качестве примера можно привести такие трансформационные модели этих же территорий: Суйдак – Угук, Нуджоникат – Ниджони, Арсьяникет – Исфана, Мерсменда – Басманда, Турмукан – Гурум-сарай и др.)

Стих 2 начинается с упоминания горы Ушида, Ушидарна («Зоревая», «Рассветная»). В Восточной Фергане имеется город Ош (Уш), возле которого находится «священная» гора, называемая ныне Тахти-Сулейман. Этот факт служит дополнительным доводом в пользу присырдарьинско-западноферганского пути продвижения индоиранских племен, так как лишь в этом случае обретает смысл название Оша. Все же представляется, что в данном стихе имеется в виду не ферганская, а систанская Ушида (см. ниже). В этом случае, учитывая, что последняя упоминаемая в стихе гора Ватигайса уверенно отождествляется с возвышенностью Батхыз в междуречье Теджена и Мургаба, остальные указанные в стихе 2 горы могут быть убедительно помещены на территории Центрального и Западного Афганистана. При таком толковании не исключено, что название Бумья сохранилось в современном афганском Бамиане, тем более что одна из гор названа Антар-Дахью, что значит «Внутри страны».

Горы, перечисленные в стихах 3 и 4, постоянно имеют определения множественности (два гребня, восемь гор, четверка гор), что однозначно свидетельствует о том, что имеются в виду не отдельные вершины, а целые горные массивы или хребты. Хотя локализовать эти названия с полной достоверностью мы пока не можем, все же общее звучание приведенных названий позволяет предположительно соотнести их опять-таки с топонимикой бассейна Верхнего Зеравшана с центром в Ишкате, лежащей у подножия одноименной горы. Тогда в стихе 3 из упоминаемых семи названий могут быть сопоставлены: Адарана с современным селением Андарваном (зафиксирована форма Андарваш), Ишката – с Хишикатом, Вашан – с Вашаном, Видван – с Виткуном. Топоним Андарван относится к системе Зеравшанского хребта, все остальные – к системе Туркестанского хребта.

В стихе 4 из 11 топонимов сопоставляются: Асая – с Эсиз, Вишава – с Вишабом (одна из раннесредневековых форм – Вишак), Сайривант – с Сайрамом (добавим, что *сайрима* – название одного из первых авестийских племен, принявших зороастризм, или же, по одной из версий – имя старшего сына прародителя иранцев, который в свою очередь стал прародителем савроматов³¹). Эти топонимы относятся к Туркестанскому и Зеравшанскому хребтам. Добавим также, что известны населенный пункт Сайрам к востоку от Чимкента³² и оз. Сайрам к северу от Кульджи в Восточном Туркестане.

Заключительный топоним стиха 4 «... горы те, что в Канхе» призван связать описываемые в стихе реалии с местами прежнего расселения племен, в среде которых были созданы Янты.

Из упоминаемых в стихах 5, 6 десяти топонимов (к сожалению, в переводе отсутствуют 12 названий) могут быть сопоставлены: Сичидава – с Хисокидарчем (зафиксированы формы в том числе Хсокидарв и Сакидавр), Раэман – с Риманом, Удря – с Тро/Туро. Эти названия относятся к системам Туркестанского, Зеравшанского и Гиссарского хребтов в их наиболее высокой части. Можно также отметить, что все сохранившиеся топонимы (названия селений и перевалов) не этимологизируются из согдийского или ягнобского языков и, следовательно, относятся к досогдийскому языковому пласту.

Если эти интерпретации соответствуют действительности, то стихи 1–6 «Замйад-яшта» описывают три горные области: Западный Пскем и Чаткал и горные массивы между ними и Сырдарьей; Центральный и Западный Афганистан; расположенные между этими областями горные хребты Центрального Таджикистана.

Стихи 66, 67 гимна повествуют об оз. Кансава, где хранится семя Заратуштры, из которого в будущем должен родиться Спаситель иранцев – Сьяошанта. В связи с этим перечисляются реки, впадающие в оз. Кансава. Последнее всеми исследователями единодушно отождествляется с оз. Хамуном в Систане, а реки, впадающие в него (с юго-востока, против часовой стрелки): Хвастра – с Хашрудом, Фрадата – с Фарахрудом, Хваспа – с Хуспасрудом (Кушкерудом), Хварнахвати – с Харутрудом (Харуд), Хаэтумант – с Гильмендом. Однако следует уточнить эту общую локализацию: со времени создания Авесты прошло много времени, и в связи с общей аридизацией климата реальная гидрографическая картина существенно изменилась.

Так, к новейшему времени оз. Кансава (Хамун) обмелело, распавшись на два водоема – оз. Заре (с запада) и оз. Хамун-саваран (с востока)³³, образовав вместе с впадающими в них реками две относительно самостоятельные водные системы. Поэтому сейчас в оз. Заре впадает с севера Харутруд с левым притоком Кушкерудом (Хуспасрудом), несколько восточнее в Заре вливается Фарахруд. В оз. Хамун с юга впадает Гильменд с правым притоком Хашрудом.

В древности оз. Кансава (Хамун) объединяло водные системы Заре и Хамун-саварана и простиралось далеко на юг, где сейчас находится сухое ложе Хамуна, на расстоянии более чем в 150 км оно переходит в поворачивающую на восток соленую пустыню под названием Руд-и-зирех (на современных картах Гади-зирра). Судя по всему, именно этот участок от г. Лар-кух на западе до пакистанского Пишина на

востоке был той границей (точнее, проходящий чуть южнее водораздел), которая отделяла бассейн рек Хамуна от иной географической области – исторического Белуджистана. Если следовать логике описания в Замйад-яште, то не идентифицированные реки Уштавайти, Урвада, Эрези и Зарнумати должны быть помещены на запад и юг от оз. Заре между Харутрудом с севера и Гильмендом с юга. В этом случае Зарнумати (дословно «Золотоносная») достаточно уверенно сопоставляется с прежде обводненным, а ныне сухим ложем Хамуна и с остатками прежних водных систем, верхней частью которых была современная р. Лора. Видимо, в прошлом все эти обводненные или уже пересохшие системы от р. Лоры (Лора-Пишин) до оз. Заре представляла собой единую систему, впадавшую в оз. Кансава под названием Зарнумати³⁴. Об этом, кроме самого названия оз. Заре, свидетельствуют название исторического района к югу от него – Неизар, а также ряд других топонимов, содержащих этот корень.

Река Урвада предположительно отождествляется нами с р. Шурруд (Чахгураб), бывшей левым притоком Зарнумати южнее оз. Заре³⁵. Реки Уштавайти и Эрези, возможно, следует искать в бассейне Харутруда, среди его правых притоков, ныне, видимо, лишь в половодье доходящих до него.

О существенно ином значении оз. Хамун во времена создания Авесты говорит и тот факт, что наименованием Хамун объединяется целая группа гидронимов, в том числе расположенных несколько южнее упоминавшегося водораздела и железной дороги Кветта – Ладис. Поэтому еще раз подчеркнем, что Хамун, связываемый обычно с Кансавой Авесты, полностью именуется Хамун-саваран. В районе же железнодорожной линии с запада на восток протянулись болотистые низины (в прошлом озера со множеством впадавших в них рек): Хамун-кинди, Хамуни-машкиль, Лора-Хамун, а также две впадины Хамун, определения которых установить не удалось, расположенные в районе Нушки исторической области Сарван.

Особое значение бассейна Хамуна для индоиранцев было связано, видимо, с его исключительно благоприятными физико-географическими условиями. Огражденный с севера и востока мощными горными системами, а с юга – водной системой Р. Зарнумати и ряда достаточно крупных озер, край этот в индоиранское время был сущим раем для скотоводов-пастухов, где они находили удобные места для жилья, хорошие выпасы и водопои для скота. Если это предположение верно, то приход сюда крупных пастушеских групп неизбежно должен был в короткое время привести к демографическому взрыву и возникновению относительной перенаселенности, вследствие чего часть населения вынуждена была искать себе новые земли к югу, которые были уже заняты как и относительно автохтонным населением, так и ранее переселившимися сюда родственными в прошлом арийскими группами, в том числе и паругами. Не эта ли ситуация отражена, например, в Яште 1 (гимн Ахура-Мазде), где речь идет о молитве Заратуштры в честь Ахура-Мазды (стих 1): бог обещает Заратуштре поддержку против «... кавиев-тиранов и злобных карапанов» (стих 10). Здесь упомянута гора Ушида (Ушидарна) (стихи 28, 31), что, как мы увидим, предполагает нахождение наблюдателя (или молящегося) на берегу оз. Хамун близ впадения в него р. Гильменд. Возможно, что именно эта ситуация нашла свое отражение и в «Видевдате», где говорится о том, что Йима (первый правитель древних иранцев в эпоху «золотого века») трижды расширял землю, чтобы она могла вместить всех людей и скот³⁶.

Вернемся к гимну Хварно. В стихе 66, в контексте с оз. Кансава и р. Хаэгумант упоминается г. Ушида «среди разлива вод, стекающих с горы». Название этой горы, обозначающее «Зоревая», будет верным по отношению к Хамуну (это смысловой центр стиха), если отождествить Ушиду с горным массивом Хваджа-та-кух между руслом Хашируда и сухим ныне руслом р. Шанди (в современных атласах – Дор).

Наконец, последняя группа реалий, содержащихся в стихе 71 Яшта, представляет собой перечень имен царей легендарной иранской династии Кеянидов, к которой относили себя и реально существовавшие исторические персонажи. Это цари Кават, Апивох, Усан, Аршан, Пишин, Бьяршан и Сьяваршан. Имя Сьяваршан сохранилось в

определении оз. Хамун – саваран и, вероятно, в названии исторической области Сарван с центром в Нушки (селение Сауран есть и в бассейне Верхнего Зеравшана, как и г. Сауран на Сырдарье). Имя Пишин, как уже говорилось, осталось в названии двух районов исторического Белуджистана (в современных Иране и Пакистане). Есть предположительные топонимические соответствия и для некоторых других имен Кеянидов (также в Белуджистане), таких, как Кават и Аршан. Если такое предположение верно, то неизбежным станет признание мифологичности ранней династии Кеянидов, а поскольку исторические районы в древности назывались чаще всего по племенным этнонимам проживавшего там населения, то логичным становится предположение, что за именами легендарных Кеянидов скрываются названия реально существовавших родственных племен (мы сознательно не говорим здесь о том, что и древние племена могли называться по имени предка-основателя).

В целом же «Замйад-яшт» описывает географические реалии правобережья среднего течения Сырдарьи, Центрального Таджикистана, Афганистана и, возможно, Белуджистана, причем самые северные, называемые Яштом, территории также представляются явной периферией.

Таким образом, яшты в целом выявляют знакомство авторов со значительными территориями от Аральского моря на севере до Белуджистана на юге. Однако наиболее детально раскрыта географическая картина трех областей: среднего течения Сырдарьи (средневековый Чач), верховьев Зеравшана (Ишката парутская, средневековый Буттам) и Афганистана. При этом анализ реалий при стандартном расположении яштов показывает последовательное смещение описательных акцентов на все более южные области, что связано, несомненно, с передвижением арийских племен и с переработкой этого факта в исторической памяти населения и, естественно, составителей гимнов. Из конкретных племен, двигавшихся по этому пути, реконструируются (в индоарийском звучании) *сайрима*, *куру*, *матсья*, *панчалы*, *каши* и *паруты*, а также, возможно, группа этнонимов, скрывавшаяся за именами царей-Кеянидов.

Сохранившиеся топонимические реалии не только показывают пути продвижения племен, но и свидетельствуют об оседании части племен на промежуточных этапах переселений, что и обусловило в дальнейшем существование этих групп в различных природно-климатических условиях, этнических, языковых и политико-культурных средах.

И последние замечания. Если наши реконструкции верны, то восстанавливаются не только конкретные пути передвижений ряда «восточных» индоевропейских групп, но и специфический механизм передвижений, когда после достаточно длительного однообразного пути племена выбирали удобные места для возможно более компактного расселения, где оставались на достаточно длительное время (на десятилетия, а некоторые из них и навсегда). Это было необходимо не только для элементарного отдыха, но и для восполнения людских потерь и восстановления экономики, прежде всего поголовья скота, наконец, просто для адаптации к новым климатическим и экологическим условиям. Немаловажную роль, видимо, играла и необходимость сбора информации о соседях и, что более важно, о тех территориях, в направлении которых осуществлялось движение.

Реконструируемый нами генеральный путь реально был множественным. По крайней мере по яштам определяются два главных направления, в итоге выводящие к одной современной исторической провинции – Белуджистану. Несомненно, группа племен парутов двигалась преимущественно по восточному пути, постепенно приближаясь к границам Северо-Западной Индии. Другие группы могли двигаться западнее, в обход горных массивов на Самарканд³⁷, Герат, оз. Хамун, а позднее и далее на юг. И, наконец, нельзя не отметить, что реконструируемая картина практически совпадает с картиной в работе Е.Е. Кузьминой, в той ее части, которая демонстрирует продвижение на юг носителей федоровской культуры в XII–IX вв. до н.э.³⁸

Заранее отвечая на возможные возражения о встречаемости ряда топонимов

Авесты в других районах Центральной Азии и сопредельных территорий, подчеркнем, что нам не известны регионы, где были бы сконцентрированы столь значительные группы топонимов, а физико-географические реалии позволяли бы воссоздать логически правдоподобную и непротиворечивую конструкцию.

Примечания

¹ Обзор различных точек зрения по этому вопросу см., например: Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение иранцев. М., 1994. С. 5–10; Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 13 и след.; Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 2. Тбилиси, 1984. С. 898–900, 914–930.

² Из современных работ см., например: Бонгард-Левин Г.М., Грайновский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983. Практически ни один исследователь-индоевропеист не обходил Авесту своим вниманием.

³ Впервые на русском языке наиболее полно гимны переведены и изданы И.М. Стеблин-Каменским: Авеста. Избранные гимны / Пер. с авестийского и комментарий И.М. Стеблин-Каменским. Душанбе, 1990: Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. М., 1993.

⁴ Литература Древнего Востока. М., 1984. С. 315.

⁵ Федчина В.Н. Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967. С. 5 и след.; Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969. С. 96 и след. Такое понимание древней гидрографии Арала активно используется в современных исследованиях. См., например: Гудзь-Марков А.В. Индоевропейская история Азии. Происхождение славянского мира. М., 1995. С. 185.

⁶ Шульц В.П. Реки Средней Азии. М., 1949. С. 17–18.

⁷ См., напр.: Друханов П.И. Аридная зона Старого Света: экологический потенциал и направленность культурно-хозяйственного развития // Взаимодействие кочевых культур древних цивилизаций. Тез. докл. советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних районов. Алма-Ата, 1987.

⁸ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963. С. 167.

⁹ Из современных исследователей этой точки зрения придерживается Е.Е. Кузьмина (Указ. раб. С. 250–251). А.В. Гудзь-Марков не определился с локализацией Ранхи, указав лишь на существующие точки зрения (Указ. раб. С. 186).

¹⁰ Авеста. 1990. С. 173–174. Выказанное И.М. Дьяконовым мнение, что оз. Чайчага – это Аральское море (см.: Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира // История иранского государства и культуры. М., 1971. С. 154) должно быть безоговорочно отвергнуто.

¹¹ Этот факт может служить в определенной мере датирующим признаком, так как возникновение Кангоя, как и строительство Канки, увязываются со сравнительно поздними ираноязычными группами. См., напр.: Археология СССР. Т. 8. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 199.

¹² В то же время название этого селения можно соотносить и с именем ведического божества – охранителя скота Пушана, подобно наименованию ягнобского селения Римап/Ремон, названного в честь авестийского божества – охранителя скота. В верховьях Ягноба еще в конце XIX в. находились лучшие в Северном Таджикистане пастбища, принадлежавшие уратюбинцам, а главным видом хозяйственной деятельности ягнобцев было горное скотоводство. Однако любое из этих сопоставлений в целом подтверждает наши рассуждения.

¹³ Авеста. 1993. С. 66. Возможные претенденты на этот топоним в акватории Аральского моря – оз. Возрождения или оз. Барсакельмес имеют абсолютные высоты 193 и 113 м соответственно. Правда, в прошлом, когда стоки Аму и Сыра в Арал были существенно меньшими, эти высоты были относительно выше.

¹⁴ Б.И. Вайнберг разрабатывает гипотезу, выдвинутую С.П. Толстовым и А.С. Кесем. в соответствии с которой во II тыс. до н.э. дельта Сырдарьи имела совершенно иной вид. Главным руслом было древнее ложе Инкардарьи, не впадавшее в Арал, а соединявшееся с дельтой Амударьи. А к востоку от Кызыл-орды, где сейчас расположена обширная такырная равнина, «... в древности и, возможно, еще в средние века располагалось озеро, в которое впадали реки Сырдарья, Сарысу и Чу». См.: Вайнберг Б.И., Левина Л.М. // Черикабадская культура. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М., 1993. С. 9. Если этот постулат верен, он может быть весьма продуктивным для объяснения и авестийских реалий.

¹⁵ Авеста. 1990. С. 155; Дьяконов И.М. Указ. раб. С. 136.

¹⁶ Авеста. 1990. С. 57.

¹⁷ Там же. С. 156.

¹⁸ Птолемей. VI, 17, 3.; Дьяконов И.М. Указ. раб. С. 136.

¹⁹ Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. С. 75. А И.В. Пьянков помещает Ишкату в Бадахшане, а Паруту – в Гуре (см.: Пьянков И.В. Ариана по свидетельствам античных авторов // Восток. 1995. № 1. С.

52), что совершенно невозможно, поскольку Бадахшан находится на северо-востоке Афганистана, тогда как Гур тяготеет к его юго-западу.

²⁰ Об этом подробно см.: Якубов Ю. Паргар в VII–VIII веках н.э. Душанбе, 1979. С. 23.

²¹ Боголюбов М.Н., Смирнова О.И. Согдийские документы с горы Муг. Вып. 3. Хозяйственные документы / Чтение, перевод и комментарии М.Н. Боголюбова и О.И. Смирновой. М., 1963. С. 30.

²² Бартольд В.В. Указ. раб. С. 133.

²³ Собственно «парут» в переводе означает «мост переправа», т.е. паруты – это жители страны переправ, что полностью соответствует реалиям как Верхнего Зеравшана, так и прилегающих территорий.

²⁴ Вяткин В.Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 7. Самарканд, 1902. С. 36.; Чехович О.Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Вып. 1. Ташкент, 1954. С. 128–129.

²⁵ Видимо, именно этот район имел в виду И.В. Пьянков, помещая Ишкату в Бадахшане (см. прим. 19).

²⁶ Кудрявцев М.К. Северные области Южной Азии // Этногенез и этническая история народов Южной Азии. М., 1994. С. 17–22. И.В. Пьянков отделяет куру как этнических ариев от других групп, считая, что они пришли в Индию в последних веках II тыс. до н.э. от Памира через Гилгит и Читрал. (Пьянков И.В. Некоторые вопросы древней этнической истории народов Средней Азии // Восток. 1995. № 6. С. 36).

²⁷ А не как «город Кира», как по традиции этимологизируют историки.

²⁸ Хромов А.Л. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1970. С. 5.

²⁹ Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908. С. 21.

³⁰ Р. Фрай считает, что Гава в переводе обозначает просто «селение» (Фрай Р. Указ. раб. С. 73).

³¹ Кузьмина Е.Е. Указ. раб. С. 247.

³² Несмотря на то, что название этого населенного пункта впервые появляется у Махмуда Кашгарского и им же сопоставляется с прежним Исфиджабом, существование в этом районе одноименной топонимической реалии в более ранний период не может быть отвергнуто, см., Бартольд В.В. Указ. раб. С. 518.

³³ В современных географических атласах, изданных в СССР, восточное озеро именуется Дарьячайи-Хамун, а западное – то Хамун-саваран (Атлас мира. М., 1954. С. 180), то Сабари (Атлас мира. М., 1989. С. 127).

³⁴ Показательно, что, по мнению исследователей, современный Зеравшан в древности назывался Намик. По сути, это название идентично систанской Зарнумати, а Зеравшан является западноиранской (таджикской) калькой с Зарнамик (реальное звучание в древности могло быть и несколько иным). Такое сопоставление подтверждает установленный наукой факт, что по пути передвижения древние народы присваивали новым географическим реалиям старые, привычные им названия, создавая себе по возможности более комфортную среду обитания.

³⁵ Атлас мира. М., 1954. С. 179–180.

³⁶ Авеста. 1993. С. 176–178; комм. – С. 196. То есть первый раз – переселение из присырдарьинских районов на Зеравшан и левобережье Амударьи, второй – в Афганистан, в том числе в бассейн Хамуна, третий – в Белуджистан и Северо-Западную Индию.

³⁷ Обратим внимание, например, на средневековое селение Зерудиза возле перевала по дороге из Самарканда на Шахрисябз (г. Зэрдаза в стихе I гимна Хварно).

³⁸ Кузьмина Е.Е. Указ. раб. С. 395.

V.I. B u s h k o v . Toward the Avesta Hymns Toponymy

On the basis of analysis of Avesta Yashts and comparison its toponymies with the modern Geographical, Toponymical and Ethnonymical data the autor reconstructs the Indo-Iran tribes advancement ways from Aral Sea to the South and through Tajikistan and Afghanistan to North-West India.

He ascertains the location of the ancient before state formation – Ishkata Parutskaya and makes an attempt to reconstruct the tribes structure of the groups which took part in advancement.